

Данный материал является интеллектуальной собственностью telegram-канала

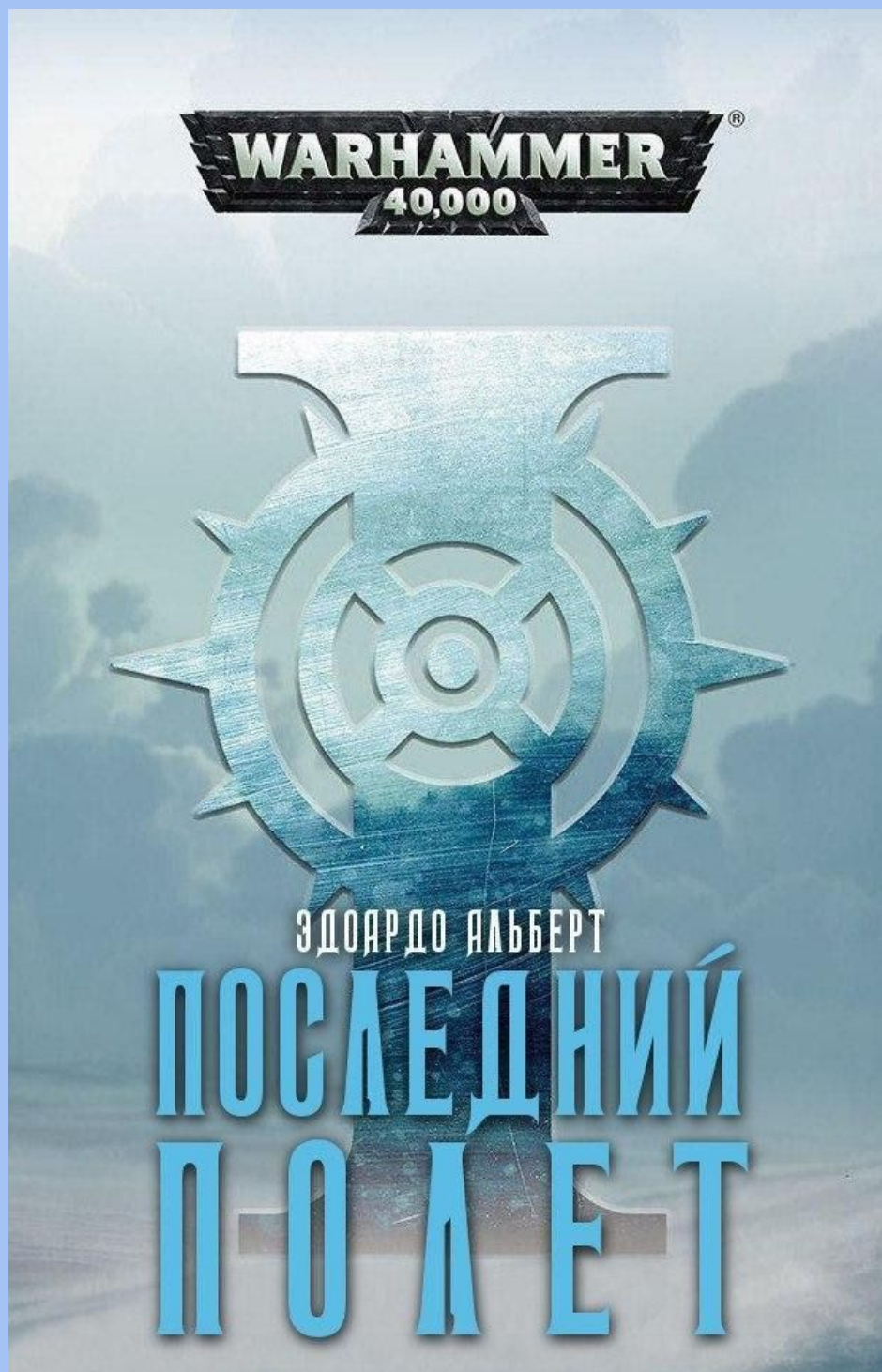
Гильдии Переводчиков

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

Переводчик – Юрия Скейс

Редактор – Магос Петрович

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Эдоардо Альберт

– ... и, завершив атаку, вернитесь на противоположный азимут. Флот будет патрулировать, ожидая вас.

Барух Нэрия, пилот-коммандер бомбардировщика «Дух Святого Паскаля» класса «Мародер», оглядел остальных членов летного экипажа в комнате инструктажа. Собирались ли кто-то из присутствовавших задать очевидный вопрос? Впрочем, все они лишь смотрели вперед, изучая тактическую симуляцию, рядом с которой стоял инструктор. Воздух в комнате, казалось, потяжелел от того, что никто не осмеливался озвучить.

– Если это все, джентльмены... – брифинг-офицер наклонился над столом, собирая бумаги с тактическими данными.

И тогда Нэрия поднял руку.

Брифинг-офицер продолжил собирать документы, не поднимая взгляда, но Барух настойчиво поднял руку еще выше.

Инструктор, наконец, выпрямился:

– Да? – щурясь, он посмотрел через ярко освещенную комнату для совещаний, силясь увидеть нашивку с именем. – Пилот-коммандер Нэрия?

– Сэр, расстояние до цели составляет семь тысяч миль.

– Именно так. Текущие данные абсолютно верны.

Нэрия не оглядывался на товарищей – напряжение в комнате говорило само за себя.

– Максимальный диапазон дальности полета моего «Мародера» – десять тысяч миль.

– Флот будет следовать к вам на полной скорости. Моделирование предполагает, что ведущие суда должны войти в зону действия как раз к вашему возвращению.

– Авианосцы?

– Естественно.

– Вы нас угробите.

Брифинг-офицер сделал небольшую паузу:

– Возможно. Надеюсь, парни, вы умеете плавать.

Громкий невротичный смех заполнил комнату для совещаний, а пилот-коммандер Барух Нэрия тем временем наблюдал, как инструктор продолжил собирать свои бумаги. Позади него тактические мониторы транслировали пикты, которые вынудили командующего флотом санкционировать эту миссию: авианосная эскадра еретиков направлялась на юг, пытаясь избежать урагана, что грозил превратить великий северный океан в смертельную ловушку.

Таким образом, они вошли в диапазон дальности полета «Мародеров».

... ну, в пределах досягаемости, если вы не слишком обеспокоены возвращением своих бомбардировщиков. В глазах командующего флотом риск потери одной эскадрильи «Мародеров» стоил того, чтобы нанести удар по вражескому соединению. Потопи их – и долгая борьба за Сагараю будет почти окончена.

А победа в войне стоила жертв.

Барух Нэрия смотрел на молчаливые летные экипажи, до которых медленно доходила простая и непреложная истина – их жизни будут принесены на алтарь триумфа имперской военной машины.

Брифинг-офицер отступил обратно к трибуне:

– Если вы будете вынуждены приземлиться, используйте свои спасательные плоты. Все они оснащены радиолокационными ответчиками. Мы найдем вас.

Нэрия вновь вскинул руку:

– Сэр, а вы видели существ, которые обитают в этих морях?

– Мы найдем вас.

– Надеюсь, что это случится прежде, чем нас найдут местные твари.

Этот мир был водой.

Во время войны за Сагараю бывали случаи, когда пилоты терялись в нескончаемых подъемах и маневрировании. Бесконечные волны погружали их в транс, лишая ориентиров, и когда топливные пустели, самолеты падали с неба прямиком в объятия океана. В основном это была проблема парней, летавших на истребителях, эдаких одиноких жокеев, но Барух слышал и о том, что в этом бескрайнем голубом небе теряются и «Валькирии». Кто-то говаривал даже об исчезновении пары «Мародеров», что летели до тех пор, пока не исчезли из зоны покрытия флота.

Пилот-коммандер Барух Нэрия отвел свой взгляд от горизонта, облизнув губы под респиратором. Он потерялся в голубой бесконечности. Бросив взгляд на часы, коммандер понял, что был в забытьи как минимум десять минут. И если бескрайняя синева поглотила его, то тоже самое случилось и с остальной частью команды – в противном случае любой разговор по коммуникатору вывел бы его из этой задумчивости.

Нэрия посмотрел влево на своего второго пилота, штурмана Мехема Радина. Он увидел долгий пристальный взгляд и ничего не выражающее лицо, что буквально вопило о душе, медленно уплывающей в синеву небес.

– Мехем.

Как только прозвучало имя, лицо Радина изменилось: второй пилот пробудился от своего глубокого забытья. Он оглянулся, в ступоре уставившись на море, пока не увидел, что Нэрия смотрит на него.

– Прошу прощения. Я немного потерялся.

– Не смотри так пристально.

– Да, не стоит, – пробормотал штурман, замявшись, – я... я хорошо знал экипаж «Вздорной птички».

Нэрия уставился вперед невидящим взглядом. Потеря самолета на взлете была не лучшим началом миссии: «Вздорная птичка», обремененная дополнительными топливными баками, необходимыми для увеличения дальности полета, не смогла набрать высоту при старте с авианосца. Вместо этого бомбардировщик рухнул в воду под грохот детонации боезапаса. Нэрии пришлось серьезно налечь на штурвал, чтобы набрать достаточную скорость для подъема «Мародера» – а ведь «Дух» всегда был легкой на подъем пташкой. Тогда он даже на мгновение подумал, что все равно разгона будет недостаточно и жадные волны зацепят его и утянут в морские глубины.

– Они выслали эвакуационное судно.

– Не сказал бы, что там нужно кого-то спасать.

Баруха мучила мысль о том, что они слишком долго находились в полной тишине – если он провалился в забытьи, то и остальные могли впасть в транс, и летчик стремительно активировал канал внутренней связи:

– Экипаж, доложить статус.

Когда коммуникатор пробудился, Радин повернулся к навигационной панели.

– Шивкин рапортует, пилот-коммандер. Все в норме.

Шивкин был бомбардиром. Когда они заходили на посадку, он спускался в блистер под фюзеляжем, который они в шутку называли «теплицей», проверяя крепления торпеды на подбрюшье «Духа Святого Паскаля». Снаряд был спроектирован, чтобы идти на десять футов ниже поверхности моря. В тех немногих случаях, когда вражеские авианосцы заходили в зону охвата имперских сил, эти исполины размером с остров почти не замечали обычных воздушных бомбардировок: палубы и баки вражеских кораблей были серьезно усилены, что сбрасывало со счетов средства поражения, которые несли на себе

истребители.

Моря Сагараи были беспокойными и алчными: сделай лишь небольшую пробоину, и вода вскрыет ее и расширит, затопит и потянет судно в свои темные глубины. Торпеды, которые несли бомбардировщики, были разработаны именно для этой цели.

– *Это Гаско, пилот-коммандер. Не о чем сообщать*, – отозвался Эйтан Гаско, башенный стрелок носовой турели.

– *Пилот-коммандер, докладывает Солк*, – Цви Солк был лучшим башенным стрелком верхней сферы, настоящим небесным оком.

Нэрия ждал еще одного отклика, и ждал он дольше, чем требовалось. Летчик тяжело вздохнул.

– *Плотник. Ты еще с нами?*

Пинья Плотник был стрелком кормовой турели. Он существовал в эдаком отдельном мире, почти отрезанный от остальной части экипажа. Если он иногда и выходил на связь, то лишь для того, чтобы сообщить об уничтожении очередной вражеской цели.

– *Пять....*

Нэрия снова вздохнул:

– *Плотник, доклад.*

– *Шесть, семь, восемь, девять, десять...*

Стрелок был не из тех, кто не отзывался вот так вот на ровном месте.

– *Пинья, у нас контакт?*

– *Я веду отсчет*, – наконец воксировал Плотник.

Нэрия посмотрел на Радина; тот поднял глаза и покачал головой – это была частая реакция на странности Пиньи. В любом случае, этот человек был лучшим кормовым стрелком в их Цирке, и чего уж, во всем 3-ем Воздушном Флоте. Он сверхъестественно точно поражал вражеские самолеты и уничтожил по меньшей мере шесть ракет класса «воздух-воздух» – на целых четыре больше, чем любой другой оператор-артиллерист в Воздушном Цирке, к которому они были приписаны.

– *Отсчет чего, Пинья?*

– *Топливные баки. Когда они падают, то делают славные всплески. Некоторые даже плавают в течении минуты – пока акулы их не поймают.*

– *Это не акулы*, – прервал Радин. Он не раз болтал за стаканом спиртного о том, что на флот попал только из желания увидеть нечто иное, нежели стены родного города-улья, – *они – рептилии, что вернулись в воду, когда океан покрыл всю землю Сагараи.*

– *У них есть клыки. Они в море. Выходит, это акулы.*

– *Пока что оставим в стороне вопросы ксенобиологии*, – вмешался Нэрия, – *Плотник, Солк, визуальный контроль строя.*

Вынужденные соблюдать вокс-молчание, самолеты не имели никакой связи друг с другом, но у стрелков кормовой и верхней турелей была отличная картина на строй «Мародеров».

– *«Слава-два» на месте*, – рапортовал Солк.

– *«Слава-три» на месте*, – отозвался Плотник.

– *«Путевой знак-четыре» на месте*, – добавил Радин.

– *Принято*, – сказал пилот-коммандер, – *не пора ли нам снизить высоту?*

Штурман проверил, а затем и перепроверил расстояние на приборах, прежде чем посмотреть на ауспик:

– *Снижаемся на указанной отметке-один... Три, два, один... отметка!*

Нэрия осторожно потянул штурвал, опуская носовую часть фюзеляжа «Духа Святого Паскаля», и сверкающая синева наполнила обзор кабины.

Двигатели были настроены на максимальную экономию топлива, и работали столь тихо, что с Радином можно было разговаривать без использования бортовой связи.

– *Солк, Плотник, проверка. Убедитесь, что «Слава-два» и «Слава-три» следуют за*

нами.

Услышав подтверждение, пилот-коммандер сосредоточился на том, чтобы опустить «Дух» на нужную высоту. Прямоточные реактивные двигатели больше подходили для полетов на больших высотах в разреженной атмосфере, и в насыщенном кислороде воздухе загудели сильнее и глубже.

– Ты только послушай эту музыку! – крикнул Радин.

– Просто убедись, что мы не утонем! – засмеялся в ответ Нэрия.

Полетный эшелон «один» проходил всего в трех сотнях футов над уровнем океана, только вот в этом водном мире даже вдали от штормовых зон нередко встречались волны, превышающие по высоте эту самую заветную цифру в триста футов. Во время предыдущей миссии Нэрия вел машину на полетном эшелоне «два», потолок которого составлял шестнадцать сотен футов, и он с трудом успел выжать скорость из форсажных камер, когда на него обрушилась стена воды с горизонта – и даже тогда брызги со звоном ударили в нижнюю часть фюзеляжа бомбардировщика.

«Полетный-один» проходил ниже эффективной высоты работы ауспика. Только так они могли бы приблизиться к вражескому авианосцу, и даже патрули истребителей не имели шанса обнаружить «Мародеров», что двигались так низко над вершинами волн.

Но полет на этой высоте означал, что Барух Нэрия был обязан полностью отработать свое звание пилот-коммандера.

– Пора поскрести брюхо, – с улыбкой на сосредоточенном лице промолвил командир экипажа. Это была его стихия. Да, можно было бы с легкостью провести меж волн ловкую, маневренную и юркую «Молнию», но вести на такой высоте «Мародер», почти соприкасаясь с водами океана, и выйти на дистанцию атаки, используя волны в качестве прикрытия, а затем запустить торпеду – вот это был настоящий полет. Война на Сагарае многому научила его, и он хорошо усвоил жестокие уроки водного мира.

Даже сквозь фильтры летных очков в глаза бил яркий свет, и Нэрия буквально предугадывал движения волн и потоков воздуха – он давно узнал, что они во многом подчиняются равным законам.

– Расчетное время прибытия?

Радин проверил навигационную консоль:

– Пятнадцать минут тридцать секунд.

– Шивкин?

– На связи, пилот-коммандер.

– Торпеда готова к запуску?

– Так точно, пилот-коммандер.

– Повторяю еще раз: когда выйдем на дистанцию атаки, я подам сигнал, когда мы будем максимально близки к цели. Сбрасывай торпеду, как только впереди будет чисто.

– Понял, пилот-коммандер.

– Стрелки, внимание. Ожидаем вражеское охранение.

– Гаско – готов.

– Солк – готов.

– Плотник – готов.

– Экипаж, мы выходим к полетной точке «янтарный». Радин, время до «красной»?

– Десять минут и пять секунд.

– Все это слышали? Мы заставим предательскую мразь глотать воду.

Нэрия держал обе руки на штурвале, слушая голос Радина.

– Сканируйте вокс-каналы. «Гнев» вскоре должен выйти на цель! Дайте мне знать, если что-нибудь услышите.

Они летели в абсолютном молчании и концентрации; периферийным зрением пилот-коммандер заметил, как штурман встревожился, и понял, что тот принимает входящую передачу.

– *Что происходит?* – спросил он по внутреннему каналу, – *они ведь должны хранить вокс-молчание!*

– *Звучит плохо,* – отозвался Радин, – *передаю отрывок.*

– *... Эта штука огромная ... Контакты на двенадцать часов... Торпеда запущена... Промах... Не могу их сбросить с хвоста...*

– *Я слышал достаточно,* – сказал Нэрия.

Он прищурился, увидев в синеве впереди что-то... Что?..

Оно было похоже на континент.

– *Ауспик!* – крикнул он штурману.

– *Множественные контакты!* – отозвался Радин, уставившись на экран, – *точнее, контакт... Проклятье, он размером с гребаный город!*

На горизонте из океана гордо вздымался авианосец с зубчатыми краями, многочисленными надстройками и приподнятой носовой частью. Он более напоминал плавучий остров, окруженный флотилией кораблей, что в сравнении с ним выглядели не более чем лодками, хотя в действительности это были крейсера и даже линкоры. Рядом с авианосцем они казались всего лишь игрушками.

– *Полетная точка «красный»!..* – Нэрия надел маску на лицо.

– Они тут кишат, словно каменные клещи... – пробормотал штурман; его лицо было оранжевым от отсветов с монитора ауспика.

– Мне всегда нравилось дразнить их, когда я был ребенком, – хмыкнул пилот-коммандер, – и сматываться, прежде чем насекомые до меня доберутся. Кажется, пришло время тряхнуть стариной. – он вздохнул. – *Переходим на полетный эшелон «ноль»!*

– *«Слава-два» и «Слава-три» следуют за нами!* – отчитался Плотник.

Барух снизил бомбардировщик за хребет волны длиной в милю, выхлопом от прямоточных реактивных двигателей поднимая вихри воды, и скрывая свое звено от глаз возможных наблюдателей с палубы авианосца.

Скрытая стеной воды, большая часть вражеского корабля находилась вне поля зрения, но что было более важно, «Дух Святого Паскаля», «Слава-два» и «Слава-три» были невидимы для конвоя еретиков, которых к тому же отвлекли атаки двух других авиазвеньев.

Нэрия посмотрел налево, заметив, как кончик крыла «Мародера» едва не задел волну, и немного скорректировал курс.

– *Звено «Погибель» атакует,* – сообщил Радин.

– *Принято.*

Взгляд Нэрии переместился на высотомер, а затем обратно на стену окружавшей их синевы. Согласно показаниям прибора, они летели ниже уровня моря, и Барух ухмыльнулся. Он продолжал двигаться в желобе волны, используя его в качестве укрытия для выхода на дистанцию атаки, и вел за собой два других бомбардировщика. Они летели так низко, что вода выкипала от жара, исходящего от реактивных двигателей.

– *«Погибель-два» докладывает о попадании!* – сообщил Радин.

– *Подтверждаю.*

– *«Погибель-три» сбит!*

Нэрия ничего не ответил, посмотрев на ауспик. Волна уводила их прочь от цели, и он собирался поднять «Мародер» выше ее хребта, чтобы выйти на цель.

– *Контакт! Пять часов,* – рапортовал Плотник.

– *Контакт! «Адские Клинки» на девять часов!* – доложил Цви Солк.

– *Займитесь ими!* – Барух устремил взгляд на океан, периферийным зрением отслеживая показания ауспика и одновременно в ледяном спокойствии, вычисляя углы атаки.

– *Шивкин?* – спросил он.

– *Торпеда готова, пилот-коммандер.*

Услышав ответ, Нэрия почувствовал вибрацию от ритмичной отдачи тяжелых

болтеров. Солк открыл огонь, а мгновение спустя к нему присоединился Плотник. Вода перед «Духом Святого Паскаля» внезапно вздрогнула, взметнувшись фонтаном от взрыва. Кабину окатило брызгами, застучавшими по стеклу, словно когти множества хищников.

Радин инстинктивно пригнулся, а Нэрия всего лишь моргнул, слишком сосредоточенный на волнах вокруг.

Оборонительные башни снова открыли огонь: тенор носовых лазерных орудий гармонировал с басом и баритоном тяжелых болтеров, заставляя «Мародер» резонировать с ними; их ноты странным образом различались в зависимости от того, в какой части фюзеляжа они находились.

Вместе три башни сформировали настоящий хор: они пели, и бас исполняемой ими надгробной песни заглушал собой высокочастотную арию автопушек «Адских Клинков». Это была знакомая для Нэрии мелодия, которая позволяла ему сконцентрироваться на задаче: он должен был довести бомбардировщик до цели.

– *Назови вектор.*

Перехватчики были близко, и Барух был вынужден держать «Мародер» низко над океаном.

– *Вектор три-тридцать градусов, на моей отметке... Три, два, один, отметка!*

Нэрия плавно отвел штурвал влево, и самолет устремился к вершине волны, за которой они укрывались; достигнув гребня, они увидели свою цель. Радин ахнул, а Гаско выругался. Нэрия тем временем твердо направил бомбардировщик вниз, пытаясь вновь укрыться среди волн бушующего океана.

Теперь они своими глазами увидели, что именно собираются атаковать: то была остров-крепость, непокорно вздымающаяся среди бескрайних вод Сагараи.

Как вообще можно было потопить что-то подобное?..

Пилот-коммандер направил «Мародер» на северо-восток, в сторону от курса атаки. Он ожидал удачного момента, чтобы развернуться, подойдя к цели перпендикулярно фронту волны, чтобы не стать легкой целью для зенитных установок авианосца еретиков.

Короткий осмотр показал, что попадания, о которых доложили «Гнев» и «Погибель», едва повредили исполинский корабль. Неумолимый, как цунами, он продолжал двигаться вперед. Тысячи самолетов, что он нес в своем чреве, вот-вот должны были вступить в битву за южный океан.

Они были обязаны остановить его.

Глядя на цель, Нэрия понял, почему командующий флота готов был пожертвовать «Мародерами», если был хотя бы один ускользающий шанс остановить продвижение этого плавучего острова – любая жертва стоила того, чтобы отправить авианосец на дно океана. Имперский флот не имел ничего в Сагарае, что могло бы на равных противостоять этому бегемоту.

Они должны были уничтожить авианосец.

Нэрия активировал ауспик. Вражеский корабль стал виден на оранжево-черном экране как чудовищное пятно, вокруг которого, словно мальки, сновали меньшие сигнатуры. «Слава-два» и «Слава-три» летели рядом, скрываясь за впадинами волн, а их продвижение было отлично видно с орудийных башен Солка и Плотника.

Оборонительное вооружение бомбардировщика вновь запело свою смертоносную песнь, и фюзеляж «Духа» резонировал в гармонии с двумя установками тяжелых болтеров. Через коммуникатор Нэрия слышал непрерывный поток проклятий, что Плотник извергал на самолеты еретиков. Иногда пилот-коммандер всерьез задавался вопросом, не в ругательствах ли был секрет столь высокой эффективности бортового стрелка – в противном случае было бы сложно объяснить огромное количество сбитых машин противника, на уничтожение которых претендовал Плотник. Солк же вел огонь молча, лишь изредка сообщая о попаданиях.

– *Три...*

Нэрия пропустил первые два доклада. Периферийным зрением он мельком увидел, как по правому борту в море вошел сбитый «Адский клинок».

Пилот-коммандер активировал вокс-связь, выходя на общий канал. Больше не было никакого смысла сохранять радиомолчание.

– *Говорит «Слава-один». «Слава-два» и «Слава-три» – подготовьтесь к атаке.*

Нэрия посмотрел на Радина, который внимательно изучал приборную доску.

– *Назови вектор, Мехем.*

– *Вектор – триста градусов на моей отметке. Три, два, один... Отметка!*

Барух потянул штурвал влево, вступив в бой с форсажными камерами. Сдвоенные двигатели подняли «Дух» вверх через гребень волны, выводя бомбардировщик на «полетный-один».

Он вновь не удержался от сравнения с островом, когда увидел вблизи авианосец еретиков. Тот возвышался над морем подобно скалам, мысам и утесам, только вот покрыты они были не деревьями, а огневыми точками. Он буквально кишел орудиями. Пространство над кораблем было заполнено самолетами, напоминающими рассерженный рой насекомых. Впрочем, судя по их маневрам, атаки «Гнева» и «Погибели» принесли свои плоды – истребители прикрытия осушили свои топливные баки, и теперь поспешно возвращались на палубу авианосца. Когда же Шивкин сможет запустить торпеду?..

Размеры судна не позволяли оценить расстояние на глаз.

– *Дистанция?*

– *Тридцать миль. Уже не увернется. Можем выпустить торпеду сейчас.*

Пилот-коммандер посмотрел вперед через шапки волн, увидев перевернутые треугольники корпусов как минимум пяти кораблей вокруг авианосца. Сам огромный корабль не мог маневрировать, чтобы избежать торпедирования, но оборонительная эскадра быстрых эскадренных миноносцев и крейсеров могла. Они с радостью отдавали свои жизни, чтобы вставать между ударами атакующих бомбардировщиков и их целью. Уже пять кораблей пошли на дно, чтобы авианосец мог продвигаться дальше, а их экипажи погрузились в синеватый мрак океанской бездны.

Единственным способом убедиться, что их торпеда не будет перехвачена – пройти мимо судов заграждения прямо к скалоподобным стенами острова-авианосца.

– *Отставить. Шивкин, выпускай торпеду через полмили. «Слава-два», «Слава-три», говорит «Слава-один». Выходим на дистанцию атаки. Эйтан, расчисти нам путь.*

– *Принято,* – отозвался Гаско.

Нэрия почувствовал, как «Дух» вздрогнул, когда лазерные пушки в носовом блистере вгрызлись в свои силовые элементы. Заряды энергии прорезали пространство перед бомбардировщиком каждый раз, когда он поднимал самолет над гребнем волны. Легкое судно впереди распалось на части, а море жадно хлынуло сквозь зияющие разрывы, оставленные лазерными пушками в его корпусе.

В воксе, потрескивающем от помех скрап-кода, испускаемых радиоглушилками авианосца, со «Славы-два» объявили, что начинают атаку.

– *Дистанция?* – спросил Барух Нэрия своего штурмана.

– *Двадцать пять миль. Одна минута до цели.*

– *Обратный отсчет. Атакуем на десятой секунде.*

– *Приказ принят, пилот-коммандер,* – отчеканил Шивкин. Как и все хорошие бомбардиры, он был сторонником соблюдения протоколов.

– *Пятьдесят секунд,* – начал отсчет Радин.

Глыба авианосца вырисовывалась впереди. Казалось, что он больше любой горы во вселенной. С его бортов во все стороны тянулись красные линии трассирующего огня, разрезающие голубые волны и поднимающие брызги морской воды. Нэрия держал бомбардировщик четко на уровне «полетного-один»: пока они летели быстро, низко и по прямой, они были слишком маленькой целью, которую будет трудно поймать даже самому

лучшему стрелку. Впрочем, плотность заградительного огня грозила выбить всю дурь даже из волн океана, и любое случайное попадание могло стать смертельным.

«Дух Святого Паскаля» покачнулся и накренился влево почти одновременно со звуком попадания в пласталь снарядов автопушки. Раздался скрежет рвущейся, словно бумага, пластали, после чего кончик крыла оторвался, улетев в никуда. Нэрия отчаянно боролся со штурвалом, пытаясь вырвать крыло из крепкой хватки воды, до того как нос самолета уведет вниз и они влетят напрямиком в гребень волны.

Действуя без лишних раздумий на основе солидного налета в десять тысяч часов, пилот-коммандер заглушил двойные прямоточные реактивные двигатели правого крыла, добавив тяги в движки левого. Аккуратно орудуя штурвалом и рулями бомбардировщика, он использовал крутящий момент, чтобы компенсировать рыскание и крен.

Это был момент триумфа их двигателей: выдав усилие в тысячу фунтов от своих двойных поршней, они буквально выдернули кончик крыла из плена воды. Впрочем, когда сопротивление внезапно исчезло, бомбардировщик резко взмыл вертикально вверх, открывая подбрюшье фюзеляжа для огня зенитных установок авианосца.

Воздух разорвали залпы автоматических пушек, лучи лазеров и болтерные снаряды, в то время как Нэрия отчаянно боролся с рулями своего «Мародера», выжимая из двигателей все возможное, чтобы снова опустить нос самолета.

– *Держитесь!..*

Пилот-коммандер толкнул штурвал вперед, оседлав инерцию самолета, вместо того, чтобы пытаться ее побороть, и бросил сорокатонный бомбардировщик в подобие «бочки», на которую самолет был совершенно точно не рассчитан. Нэрия почувствовал, как крылья самолета дрожат от давления, словно выдергиваемые из суставов конечности, напряжение которых передавалось сквозь металлическое тело самолета напрямиком к его пальцам, зафиксированным на штурвале.

– *Давай, давай, малышка, ты справишься...*

Море и небеса поменялись местами, задержались в таком положении, а затем вернулись на свои места. Бомбардировщик вновь шел по прямой, но этот маневр уклонения увел их от цели: авианосец еретиков оказался вне поля зрения и стремительно удалялся.

Они упустили возможность атаковать.

– *Говорит «Слава-два». Выпускаю торпеду*, – вокс-сообщение было почти не слышно на фоне шипения помех, но Плотник подтвердил услышанное:

– *Рыбка в пути.*

– *«Слава-два», убирайтесь оттуда!*

Подтверждение, если и последовало, утонуло в шипении помех.

– Попадание! – закричал Радин, поворачиваясь к пилоту-коммандеру. – Торпеда попала!

Нэрия разворачивал бомбардировщик и успел увидеть оседающий гейзер морской воды в точке, куда ударила торпеда.

– *Мы подбиты, мы подбиты!..*

«Слава-три» падал, объятый огнем, и вслед снижающемуся «Мародеру» неслись вспышки лазерных пушек.

«Адский клинок», следующий размытым пятном за подбитым бомбардировщиком, прошил волны потоком огня автопушек, пытаясь добить самолет, но в тот же миг угодил под беспорядочный зенитный огонь с авианосца. Впрочем, и Эйтан не упустил своего шанса – прицельный залп лазерных пушек «Духа» превратил истребитель еретиков в груды падающих обломков.

– *Сделал его*, – отозвался Гаско из носового блистера.

Нэрия толкнул штурвал, направляя бомбардировщик к волнам, и активировал форсажные камеры на всех четырех прямоточных двигателях.

– *Шивкин, мы следуем за «Славой-три». Наводись на место их столкновения.*

Если бы это он летел в горящем гробу, зная, что скоро умрет, Нэрия попытался бы забрать с собой на тот свет как можно больше еретической падали. Пилот-коммандер Мар Росссофф со «Славы-три» был его старым другом, и Барух мог представить, как тот нянчит руками штурвал, щурясь от дыма, и пытается добраться до вражеского авианосца, напевая Литанию Летчика, дабы Бог-Машина удержал «Отважную Душу» в воздухе достаточно долго, чтобы он мог завершить эту отчаянную атаку.

И Нэрия последует прямо за ним, чтобы нанести удар следом, пока вражеские артиллеристы отвлечены на пылающий фюзеляж «Славы-три. Он, Радин и Гаско в носовом блистере видели медленную смерть «Отважной Души»: ее орудийные башенки разлетелись осколками стекла, а крылья были усеяны множеством отверстий от попаданий, что источали пламя.

– Как он вообще летит?..

Нэрия услышал вопрос Радина, но не мог на него ответить. От «Мародера» Мара остались только пылающие обломки, но в центре этого пламени жила цель: цель и стремление преодолеть даже притяжение гравитации и яростный заградительный огонь зенитных орудий авианосца.

Бомбардировщик поразил вражеское судно чуть выше ватерлинии. На мгновение казалось, что самолет истощил все свои ресурсы на этот отчаянный рывок, и что ничего не произойдет, но затем грянул взрыв. Мощь торпеды, все еще находящейся в фюзеляже «Мародера», была приумножена детонацией оставшихся боеприпасов и топливных баков. Борт вражеского авианосца был буквально разорван, из-за чего находящиеся на нем огневые точки рухнули в бурлящую воду.

Нэрия следовал за «Славой-три», прижимая «Дух» к вершинам волн. Он запросил данные об отметке у Радина, а затем вызвал по воксу Шивкина:

– *Выпускай нашу торпеду в эту дыру, Мехем. Отсчет – пять секунд.*

– Пять секунд... – Радин облизнул губы. У них почти не останется времени, чтобы отвернуть и не врезаться в борт авианосца.

– *Отсчет!* – приказал Нэрия.

Вражеский корабль был близко, как никогда: исполинская глыба железа и пластали, на которой были высечены непристойные символы.

– *По моей команде,* – сказал штурман. – *Запуск через пять... четыре... три... два... один – огонь!*

– *Торпеда пошла!*

Когда Шивкин выпустил торпеду, Нэрия буквально бросил самолет на правый борт. Пилот-коммандер с силой вдавил ногой педаль газа, выжимая максимальную тягу из двигателей.

– Ну же, давай, давай!

Нос «Мародера» описал круг. Мимо проносились выстрелы автопушек и болтеров, но бомбардировщик был слишком близко и двигался так быстро, что никто из стрелков не успевал менять прицел достаточно проворно, чтобы поспевать за самолетом.

– *Попадание! Попадание!*

Кричали сразу два члена экипажа – Плотник и Солк, но Нэрия был слишком занят, борясь за контроль над «Духом», чтобы как-то отреагировать. Он отметил их слова у себя в разуме, медленно поднимая бомбардировщик на уровень полетного эшелона, чтобы задействовать все четыре форсажные камеры. Он серьезно рисковал, но все же двигался в максимальной близости к вражескому авианосцу – в данный момент это было самым безопасным решением.

Он посмотрел налево: кончик крыла едва не задевал проносящиеся мимо гнезда огневых точек судна. Перед разворотом он провел самолет по всей длине авианосца-острова. Любой корабль флотилии сопровождения, попытавшийся перехватить «Мародер», рисковал попасть в собственный флагман.

А затем он почувствовал это.

Дрожь. Вибрация.

Напоминающая скалу стена острова авианосца подалась вперед, и Нэрия был вынужден бросить «Дух» на правый борт. Сверху водопадом посыпались орудийные башни, боеприпасы, установки радиолокаторов и трепыхающиеся фигуры людей.

Затем авианосец вновь завибрировал.

Но на этот раз, это сопровождалось звуком. Заглушая рев двигателей, раздался низкий рокот, перемежающийся с металлическим скрежетом, который ударной звуковой волной, сбил сорок тонн «Мародера» с курса.

– *По милости Императора!..* – сдавленно крикнул Плотник. Нэрия удивился – должно было произойти нечто экстраординарное, чтобы стрелок использовал в качестве восклицания что-то, кроме ругательств – по крайней мере, он подобного раньше не слышал.

Авианосец остался позади. Все еще ведя бомбардировщик по переднему краю взрыва, Нэрия мог видеть только кромку ударной волны, которая раскачивала и опрокидывала корабли флотилии сопровождения.

– *Что происходит?* – закричал он в комм.

– *Это... это похоже на конец света!* – ответил Пинья. – *Авианосец извергает огонь, его разрывает на части!*

Нэрия повернул «Мародер» на шестьдесят градусов, чтобы посмотреть на происходящее своими глазами. Он увидел, как из исполинского корабля вырываются столбы пламени от детонации боеприпасов и топлива, разрывая палубу и обнажая внутренности судна небу. Он видел, как бурлило море вокруг, и нечто двигалось под волнами, чтобы поглотить тонущих еретиков.

Барух отвернулся, чтобы обратиться к штурману:

– *Радин, куда мы движемся?*

До этого поглощенный созерцанием гибели левиафана, штурман принялся за работу.

– *Устанавливаю курс. Сто семьдесят градусов.*

– *Выполняю...* – Нэрия развернул «Дух» на обратный азимут. – *Топливо?*

Радин наклонился вперед и постучал по датчику. Затем еще раз. Он поднял взгляд на пилота-коммандера:

– *Пятнадцать процентов. Один из баков, кажется, пробит.*

Нэрия кивнул:

– *Она хорошая девочка и довезет нас обратно.*

Барух нажал кнопку коммутатора:

– *Экипаж, отключить все системы, которые не держат нас в воздухе,* – он посмотрел на Радина. – *Избавиться от всего лишнего. Мы уничтожили того монстра, а теперь должны вернуться живыми.*

В то время как Радин отключал все системы, Барух поднял бомбардировщик выше. Морской воздух отлично подходил для реактивных двигателей, но имел крайне высокое сопротивление, а для нормальной крейсерской скорости пришлось бы набрать высоту, на которой потребуются включить систему рециркуляции кислорода. В конце концов, Нэрия выбрал высоту в пять тысяч футов, сочтя ее за оптимальную: они шли достаточно низко, чтобы двигатели могли насыщаться кислородом, а экипаж свободно дышал, но в то же время достаточно высоко, чтобы уменьшить небольшое, но значительное сопротивление с коэффициентом глиссирования 20:1. Такая высота обеспечит им еще двадцать миль пути, когда баки окончательно пересохнут.

Пока пилот-коммандер брал курс на юг, попутно бормоча увещевания «Духу» и пытаясь уловить какие-либо тепловые потоки, Радин отстегнул ремни и начал выносить из кабины все, что можно было демонтировать. Где-то снизу фюзеляжа Нэрия слышал стук и грохот, когда экипаж волочил к люкам все, что удавалось снять.

В процессе выключения систем бомбардировщика Мехем остановился.

– А как насчет ауспика? – спросил он. – Если я его отключу, мы не сможем узнать, находимся ли мы рядом с флотом...

– Отключай, – отрезал Нэрия. – Попробуем запустить его, когда кончится топливо – батареи к тому моменту еще не должны потерять мощность.

Оранжевые дисплеи вспыхнули и погасли. Когда Радин направился вниз, в салон самолета, Нэрия внимательно осмотрелся: кабина выглядела совсем иначе без постоянного сияния экранов аппаратуры. Она была холодной. Похожей на склеп.

– Ты справишься, старушка, – прошептал Нэрия, поглаживая панель управления. – Ты справишься.

Но панель уже была мертва. Он вдруг осознал, что медленно убивает машину, которая вернула его живым из более чем двухсот пятидесяти боевых вылетов.

Летчик убрал руку с приборной доски. Больше Баруху сказать было нечего.

Пилот-коммандер посмотрел на горизонт, ища в отдалении пятна, которые могли бы быть приближающимся флотом, но там была только синева.

Лишь синева – и ничего более.

В последний час своей службы «Дух Святого Паскаля» приземлился на океанскую гладь с мягкостью морской птицы; системы бомбардировщика были мертвы, а топливные баки осушены до последней капли.

Эвакуировавшись на спасательном плоту, Барух Нэрия, Мехем Радин, Марк Шивкин, Эйтан Гаско, Цви Солк и Пинья Плотник молча наблюдали, как самолет – их дом, их щит, их убежище, – медленно тонул.

Они запустили ауспик во время своего долгого снижения к поверхности океана, но не обнаружили ни единого следа чужого присутствия. Если другие бомбардировщики, принимавшие участие в миссии и выжили, они, как и флот, были вне досягаемости.

В тот момент «Мародер» двигался в трех тысячах футов над уровнем моря – на такой высоте эффективный радиус работы активного ауспика составлял всего десять миль.

Со спасательного плота казалось, что десять миль – это далеко. Чертовски далеко.

Пинья Плотник снял свой летный шлем и перебросил его из руки в руку.

– Кто-нибудь поймает?

Барух оторвал взгляд от гладкого участка воды, скрывшего последнюю часть фюзеляжа – кончик хвоста «Мародера», задранный словно в жесте прощания.

– Гребем, – прохрипел Нэрия.

Плотник приоткрыл рот, словно хотел отпустить одну из своих фирменных шуточек, но увидев выражение лица Баруха, сжал губы.

– Так точно, пилот-коммандер.

Они гребли. У спасательного плота было лишь два весла, и Нэрия поделил экипаж на смены.

Те члены команды, что не работали, укрывались от яркого солнца на время под тенью навеса, который был сооружен над половиной плота.

Аварийных рационов было на десять дней, а питьевой воды – на два, и она занимала куда больше места, чем пайки.

Помимо этого на плоту лежали пять сигнальных ракет и аварийный радиолокационный ответчик с эффективным временем автономной работы в двадцать четыре часа. Подсчитав в уме вероятную дальность до авангарда флота, Нэрия решил, что они должны плыть на юг целые сутки, прежде чем активировать маяк. Однако шанса проверить верность его расчетов ему не представилось.

Вспышка запуска сигнальной ракеты вырвала Нэрию из тяжелого забытья.

– Самолет, самолет!

Пилот-коммандер начал судорожно осматриваться вокруг, все еще плохо соображая из-за прерванного сна, когда увидел оранжевую сигнальную ракету, парящую в небе. Он услышал приближающийся грохот реактивных двигателей; звук, отражавшийся от волн. Солк и Шивкин вскочили на ноги и махали, а остальные кричали, в то время как Нэрия оглядывался, пытаясь найти источник переполоха. Барух увидел, как Мехем загружает еще одну сигнальную ракету, и выбил пистолет из руки штурмана.

– Ложись! – закричал он, сбивая Солка и Шивкина с ног.

– Что ты творишь?! – завопил Радин, пытаясь подобрать ракетницу, упавшую на дно спасательного плота. – Они же нас не увидят!

– Этот самолет идет с севера! Не то направление!

Услышав сказанное пилотом-коммандером, экипаж замолчал.

Сигнальная ракета, словно указующий перст, висела над ними в небе.

С севера показалась темная птица, горбатая и шипастая. То была «Валькирия», багряного цвета, покрытая мерзкими еретическими символами, вооруженная автоматическими орудиями, что замерли в безмолвной готовности. Слово огромный алый падальщик, она зависла в воздухе в ста ярдах от спасательного плота, превращая двигателями морскую воду под своим брюхом в пар.

После уничтожения авианосца у экипажа уцелевшей «Валькирии» не осталось ничего, кроме мести – им некуда было вернуться, и они хотели утолить свою жажду крови, прежде чем наступит их очередь утонуть.

Пилот подвел машину ближе, и на спасательный плот обрушились нисходящие потоки горячего воздуха, исходящего из реактивных двигателей самолета.

– Что они делают? – закричал Радин. – Почему они просто нас не прикончат?

– Еретики хотят насладиться казнью, – мрачно отозвался Нэрия. – Хотят сломить нас.

– А, к фрагу все... – протянул Пинья Плотник, вставая во весь рост – он твердо решил умереть на ногах, и в своем фирменном стиле высказал еретикам все, что он о них думает. Радин встал рядом, а затем и Гаско, и Солк, и Шивкин; все они начали выкрикивать ругательства в сторону вражеского самолета, подражая Плотнику. Нэрия тем временем поднял сигнальный пистолет, и выровнял его ствол, нацелив на кабину пилота-предателя.

Наивно было полагать, что это смехотворное оружие может повредить бронированный корпус «Валькирии».

Сигнальная ракета беспомощно отскочила от армированного стекла, покрытого по всему периметру отвратительными еретическими символами, и пилот машины опустил «Валькирию» еще ниже и ближе.

Он действительно хотел увидеть, как они умирают.

Нэрия уставился на ствол мультлазера. Он не станет закрывать глаза, но будет смотреть смерти прямо в лицо, пока рядом с ним стоит экипаж «Духа Святого Паскаля», своей дерзостью бросая вызов врагу.

А затем море распахнулось.

Оно исторгло что-то: может пасть, может лапу, а может и что-то иное, и схватило низко висящий самолет, затащив его напрямик в бесконечную синеву. Нэрия даже не успел осознать, что за чудовищное создание он увидел.

– Да, да!

Они радостно кричали, когда смерть исчезла под волнами.

Но затем она вернулась за ними – все такая же безличная и неумолимая.

Море снова раскрылось: всепоглощающий водоворот, созданный внезапным погружением огромного существа, что сорвало «Валькирию» с неба, начал затягивать край спасательного плота.

– Убирайтесь отсюда! Прыгайте!

Нэрия упал в воду, и она сомкнулась над его головой. Посмотрев вниз, сквозь толщу мутной морской воды, увидел, что Радин протянул к нему руку...

Их пальцы соприкоснулись.

Радин дернулся и устремился вниз, в синюю тьму. Глаза штурмана широко раскрылись от ужаса, а из его рта вырвалась линия пузырьков воздуха.

Нэрия вырвался на поверхность, выплыв обратно к свету. Он задыхался, жадно хватая воздух, и отчаянно крутил головой, оглядываясь в поисках своего экипажа. Предметы из спасательного плота – весло, рационы, спасательный жилет – качались на поверхности, но летчиков не было. Он снова нырнул, пытаясь высмотреть что-нибудь под водой, но там была лишь бесконечная синева, переходящая в черную пустоту.

Последний выживший член летного экипажа «Духа Святого Паскаля» качался вверх и вниз на океанских волнах. Со стороны он был похож на оранжевое пятнышко на бесконечном голубом полотне.

С безоблачного неба светило палящее солнце. Качаясь на волнах океанического мира, Нэрия чувствовал легкую иронию в том, что его губы потрескались от иссушающей жажды.

Высоко над ним пролетел самолет. Барух кричал и махал руками, но, конечно, его никто не увидел. Затем мимо прошел еще один – он летел куда-то на запад.

Они искали выживших, потерпевших крушение, но без радиолокационного ответчика и спасательного плота летчик был не более чем невидимкой.

День перешел в сумерки, а затем в ночь. Звезды вспыхнули, и небо рассек ярко-красный шрам Великого Разлома, а море вокруг Нэрии начало светиться сгустками пульсирующего свечения, исходящего от живых существ – то был фосфоресцентный планктон, сиявший холодно-голубым огнем в ночной черноте.

Барух рукой смешал живность, придав ей форму слова – он написал на воде свое имя.

Пилот-коммандер слышал звук низко летящего самолета, медленно перемалывающего реактивными струями двигателя морскую воду.

Машина наверняка возвращается к флоту, продолжая искать выживших.

Нэрия еще раз взглянул на рисунок из света, что он нарисовал на воде, и быстро изменил его на другой.

На двуглавого орла.

... А затем поток горячего воздуха размыл светящуюся аквилу. Барух Нэрия вскинул руки, одновременно терзаемый радостью, благодарностью и гложащим чувством вины.

Лебедка спасательного челнока опустилась, вытаскивая пилот-коммандера из плена волн океана.